

Джозеф Шеридан Ле Фаню Истории озера Лох-Гур

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Согласно легенде, много веков назад воды озера Лох-Гур поглотили замок графа Десмонда вместе с самим графом-чернокнижником, его юной супругой и свитой. С тех пор в окрестностях озера происходят удивительные вещи.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Истории озера Лох-Гур

Когда пишущему эти строки было лет двенадцать-тринадцать, он познакомился с мисс Энн Бейли из поместья Лох-Гур, что в графстве Лимерик. Она и ее сестра были последними представительницами древнего славного рода, издавна жившего в тех краях, и, кроме них, никого из Бейли в имении Лох-Гур не осталось. Обе они были старые девы, к моменту моего знакомства с ними перешагнувшие рубеж шестидесятилетия. Однако мне никогда не встречались пожилые леди, которые были бы столь гостеприимны, веселы и добры, особенно к девицам и юнцам. Обе они отличались любезностью и живостью ума. Как и все лимерикские помещицы тех времен, они прекрасно знали родословные своих соседей и могли тотчас без запинки назвать происхождение, потомков и брачные узы любого местного дворянина.

К этим леди в имение Лох-Гур приезжал мистер Томас Крофтон Крокер¹, упоминающий их имя во втором томе своего сборника легенд, где он излагает (возможно,

¹ Крокер Томас Крофтон (1798—1854) — собиратель ирландской поэзии и фольклора, составитель известных сборников ирландских легенд и преданий, много сделавший для сохранения ирландского языка и культуры.

поведанные ему мисс Энн Бейли) красочные предания, родившиеся в краю чудесных озер, которые дали название поместью. Впрочем, сейчас мне следовало бы говорить об одном озере, поскольку меньшее по размеру и более живописное из них с тех пор успели осушить, обнажив на дне его руины древних, весьма любопытных сооружений.

В гостиной у старых леди тоже хранился весьма любопытный и древний предмет, хотя и относящийся к более поздней эпохе. Это был старинный прощальный кубок, преподносившийся на дорогу всаднику гостеприимными обитателями поместья Лох-Гур. Крофтон Крокер зарисовал этот странный стеклянный бокал. Я частенько его рассматривал. Утвержденный на короткой ножке, сам кубок со скругленным доньшком имел цилиндрическую форму, вмещал ни много ни мало целую бутылку кларета и, хотя был не шире старомодного узкого пивного стакана, высотой превосходил все бокалы и кубки, когда-либо мною виденные. Поскольку всаднику, подносявшему к губам прощальный кубок, приходилось вытягивать руку, для подвыпившего человека, вынужденного держаться в седле, это, видимо, оказывалось немалым испытанием. Удивительно, что этот чудный кубок дожил до наших дней без единой трещины.

В той же гостиной стоял и другой кубок, о котором следует упомянуть. Был он огромного размера и имел форму конуса, наподобие банки с конфитюром в старинных кондитерских. Его в виде бордюра обрамляла выгравированная надпись: «Светлой памяти нашего заступника», а в торжественных случаях этот кубок, налитый до краев, передавали из рук в руки, на манер круговой чаши, гости из числа виггов, всем обязанные тому, чью память увековечивали эти слова².

Однако теперь этот кубок был лишь призрачным напоминанием о шумных пиршествах ушедших поколений, привыкших к пушечным выстрелам и буйству брани. Когда я впервые его увидел, он уже давным-давно позабыл о жарких политических спорах и празднествах и нашел мирное пристанище на маленьком столике в гостиной, и старые леди ежедневно меняли в нем воду и наполняли свежими садовыми цветами.

Мисс Энн Бейли чаще, чем ее сестра, повествовала о легендарных, сверхъестественных событиях, и рассказывала свои истории увлеченно, с неизменным сочувствием к их героям и с таинственным видом, который всегда производит столь глубокое впечатление. Она не уставала отвечать на многочисленные вопросы о старом замке и забавляла своих юных слушателей картинками былых приключений и далеких дней. Память моя сохранила вживе облик моей старинной приятельницы: прямая и стройная, выше среднего роста, весьма напоминавшая портрет восхитительной графини Д'Онуа³, перу которой обязаны мы первым пробуждением интереса ко всему чудесному и загадочному, мисс Энн Бейли походила на нее и серьезным и вместе с тем добродушным выражением лица, и не совсем правильными, но утонченными и женственными чертами. Однако особенно разительно становилось ее сходство с французской писательницей, когда она, воздев указательный палец, с лукавой и таинственной улыбкой замолкала, перед тем как приступить к кульминационному пункту своего драматического повествования.

Земли, расположенные по берегам озера Лох-Гур, считаются исконной вотчиной манстерских фэйри. Когда «добрый народ» похищает ребенка, именно Лох-Гур в представлении местных жителей является тем местом, где он навсегда покидает земной мир и где им окончательно завладевают обитатели призрачного царства. А на дне озера лежит заколдованный замок Десмондов, пышный и величественный, в котором заточен сам знаменитый граф, его прекрасная юная супруга и вся свита, окружавшая его во дни величия

² Видимо, речь идет о Генри Граттане (1745—1820), ирландском политическом деятеле, адвокате, блестящем ораторе, члене палаты общин ирландского парламента, добившемся предоставления ряда политических прав ирландским католикам.

³ Д'Онуа Мари Катрин, графиня (1650—1705) — французская писательница-сказочница.

и славы и разделившая с ним его печальную участь.

С поместьем Лох-Гур связаны и знаменательные исторические события. Огромная, квадратного сечения башня, возвышающаяся над конным двором у стен старого дома на высоту, поражавшую мое юное воображение, хотя и лишилась давным-давно парапетной стенки с зубцами и одного этажа, до сих пор не утратила облика неприступной твердыни времен последнего мятежного графа Десмонда. Именно на стенах этой башни, как описывается в чудесном старинном фолианте «*Hibernia Pacata*», ирландский гарнизон выдержал атаку армии лорда-наместника, проходившей маршем по близлежащим холмам⁴. Дом же семейства Бейли, построенный под защитой крепости надменных повстанцев Десмондов, старомодный, но уютный, со множеством маленьких комнаток и с низкими потолками, напоминал помещичьи дома в Шропшире и прилегающих английских графствах.

Обступившие озера холмы, насколько я помню (а я не видел их с тех давних дней), поросли низеньким мягким кустарником, таким зеленым и свежим, подобного которому я никогда более не встречал.

Над одним из озер возвышается маленький островок, скалистый и покрытый лесом, который, как полагают местные крестьяне, есть не что иное, как навершие самой высокой башни в заколдованном замке графа Десмонда, погребенном на дне. Да и по уверениям людей образованных, если на лодке подплыть к островку в особо ясную погоду, складывается впечатление, будто он на несколько футов приподнимается над волнами, а утесы кажутся рукотворными каменными стенами с полуразрушенными зубцами, вздымающимися над поверхностью воды.

Вот какую историю поведала мисс Энн Бейли о затонувшем замке.

ГРАФ-ВОЛШЕБНИК

Всем известно, что славный граф Десмонд и по сей день заточен вместе со всеми своими домочадцами в заколдованном замке на дне озера, хотя история совершенно иначе изображает его гибель.

Во всем мире не было в те времена волшебника могущественнее. Самый величественный его замок стоял на маленьком островке посреди озера, и сюда он привез свою юную прекрасную невесту, любовь к которой его и погубила, ибо он всем пожертвовал ради удовлетворения ее безумного каприза.

Вскоре после переезда в родовой замок молодая графиня незваной вошла в покой, где ее супруг изучал чернокнижие, и умоляла его показать чудеса черной магии. Он долго противился ее желанию, однако в конце концов снисхошел к ее мольбам, слезам и лести.

Но прежде чем удивить ее поразительным колдовством, он объяснил ей, на сколь ужасных условиях согласен показать ей свое умение принимать любое обличье.

В полном одиночестве в огромном зале, о стены которого внизу бились темные волны озера, готовые поглотить замок в любую минуту, ей предстояло узреть ряд страшных превращений — и, раз начав, нельзя было их прервать или умерить. Кроме того, граф подчеркнул, что если, наблюдая эти отвратительные метаморфозы, она произнесет хоть слово или в страхе воскликнет, то замок и все его обитатели немедля погрузятся в пучину озерных волн, где и останутся, во власти необоримых чар, до конца времен.

Однако высокородная леди оказалась неустрашима в своем любопытстве, и, затворив и закрыв на засов двери, граф Десмонд приступил к роковым превращениям.

Стоило ему прошептать заклинание, как он у нее на глазах покрылся густыми перьями,

⁴ «*Hibernia Pacata*» («Ирландия усмиренная, или История недавних войн в Ирландии»; 1633) — книга английского полководца Джорджа Кэрю, участника завоевательных походов королевы Елизаветы, где подробно излагается история сопротивления аристократических ирландских родов Ормонд и Десмонд английскому владычеству в 1569—1583 гг. Лорд-наместник, потерпевший поражение от графа Десмонда, — возможно, Генри Сидни.

щеки его запали, нос искривился, точно клюв хищной птицы, зал наполнило невыносимое зловоние, и, тяжело взмахивая крыльями, в воздух поднялся огромный стервятник... Он кружил и кружил по комнате, словно собираясь кинуться на графиню...

Однако она совлела со своим страхом, и для нее тотчас началось другое испытание.

Хищная птица опустилась на пол, и не прошло и мгновения, как она обратилась в крошечную, невероятно уродливую старуху с пожелтевшей, морщинистой, обвисшей кожей и вылезающими из орбит глазами, которая, опираясь на костыли, стала подбираться к графине. Казалось, ее охватила ярость, на губах у нее выступила пена, лицо исказила страшная гримаса, еще более ее обезобразившая, и тут наконец в судорогах, издав ужасный вопль, она упала на пол и покатила к ногам графини, где превратилась в чудовищного змея с раздутым капюшоном и раздвоенным языком, подрагивающим в разверстой пасти. Змей алчно приближался к графине, и казалось, он вот-вот бросится на нее, как вдруг принял облик ее супруга, трепещущего и бледного, поднявшего палец к губам, словно моля о молчании. Затем он улегся на пол и стал непостижимым образом расти и расти, пока не уперся головой в одну стену зала, а ногами в противоположную.

И тут ужас затмил разум графини. Вне себя от страха, несчастная громко вскрикнула, и в тот же миг замок и все его обитатели погрузились в воды озера.

Однако раз в семь лет, ночью, граф Десмонд и его свита появляются над волнами и, проскакав по глади озера призрачной кавалькадой, вторгаются в мир живых. В эту ночь граф может оставаться на земле до рассвета и должен как следует использовать дарованное ему время, ибо, пока серебряные подковы его скакуна не износятся, чары, удерживающие его и его домочадцев на дне озера, сохраняют свою власть.

Маленькой девочкой, продолжала мисс Энн Бейли, я слышала удивительную историю, которую рассказывал Тиг О'Нил.

Ремеслом был он кузнец, и кузница его стояла на вершине холма, возвышавшегося над озером, возле полузаброшенной дороги на Кэр-Конлиш. Однажды, лунной ночью, он работал у себя в кузнице в полном одиночестве. Лишь стук молота да дрожащий красноватый отблеск горна, падающий сквозь открытую дверь на кусты по ту сторону узкой дороги, напоминали о том, что на много миль вокруг нет ни души.

Оторвавшись ненадолго от молота и наковальни, Тиг О'Нил услышал топот копыт на крутой тропе, ведущей к его кузнице, и, выйдя на порог, увидел всадника на белом коне, одетого в весьма странное платье, подобного которому кузнецу видеть не приходилось. Всадника сопровождала конная свита в столь же необычных нарядах.

Судя по звону уздечек и шумному топоту, возвестившему ее появление, кавалькада вознеслась на холм беспорядочным галопом, но, приблизившись к дверям кузницы, умерила шаг, а ее предводитель, человек знатный, как решил О'Нил, ибо был он мрачен, надменен и явно привык повелевать, натянул поводья и осадил коня у самых дверей кузницы.

Он не произнес ни слова, его спутники тоже хранили молчание, однако он жестом подозвал кузнеца и указал ему на одну подкову.

Тиг наклонился, приподнял ногу лошади и успел заметить, что серебряная подкова на ней в одном месте износилась и кажется не толще шиллинга. Увидев серебряную подкову, он тотчас понял, кто перед ним, и отпрянул, в ужасе призывая Господа. Лицо гордого всадника внезапно исказилось от досады и ярости, и он обрушил на кузнеца что-то наподобие хлыста, со свистом рассекшее воздух, пронзившее его тело, точно стальной клинок, и холодное как лед. Впрочем, впоследствии оказалось, что удар призрачным хлыстом не причинил кузнецу вреда и не оставил даже шрама. В то же мгновение вся кавалькада галопом поскакала прочь, вниз по холму, и быстро исчезла из глаз с грохотом, напоминавшим пушечный залп.

В кузнице побывал сам граф Десмонд. Он прибегнул к своей обычной хитрости, надеясь, что кузнец с ним заговорит. Ведь хорошо известно, что, стремясь либо сократить срок своего заточения в заколдованном замке на дне озера, либо как-то скрасить свое одиночество, он пытается обманом завлечь живых в свои сети. Однако какая судьба ожидает того, кто утратит осторожность и сам к нему обратится, никому не известно.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МОЛЛ РИАЛ

Маленькой девочкой мисс Энн Бейли знавала Молл Риал, в ту пору уже глубокую старуху. Весь свой век Молл Риал прожила в семействе Бейли в поместье Лох-Гур. Тогда в Ирландии всевозможную работу по дому выполняли множество босоногих крестьянских девиц — посудомойки, прачки, птичницы и девочки на побегушках.

Среди них была и Молл Риал, молодая и крепкая, веселая и услужливая, не знавшая горя и ни о чем особо не тужившая. Однажды она стирала белье, колотя его вальком, как это обыкновенно делают в Манстере. Прачка заходит по щиколотку в озеро, опускает в воду белье и расправляет его на большом плоском камне, а потом с силой колотит по нему орудием, отчасти напоминающим крикетную бит, только короче и шире, и достаточно легким, чтобы без труда управляться с ним одной рукой. Так она подолгу валяет мокрое белье на плоском камне, окуная его в воду, по нескольку раз выворачивая и повторяя всю процедуру, пока не выстирает хорошенько.

Молл Риал орудовала вальком на мелководье, под стенами старого господского дома и замка. Случилось это погожим утром, в девятом часу, когда ярко светило солнце. Поблизости не было ни души, однако, хотя Молл Риал не могла разглядеть даже окон дома, скрытых за холмом и густым кустарником, одиночество ее нисколько не тяготило.

Подняв голову, она внезапно заметила джентльмена, который медленно шел к ней по склону холма. Молл Риал тотчас решила, что господин этот именитый и важный: он щеголял в шелковом халате с цветочным узором, голову его прикрывала маленькая бархатная шапочка, на ногах были изящные туфли, и Молл Риал смогла заметить, что он строен и хорошо сложен. Подойдя поближе, он милостиво улыбнулся, снял с пальца перстень, всем своим благосклонным видом показывая, что желает сделать ей подарок, а потом положил его на камень рядом с бельем, которое она так усердно колотила.

Он чуть отошел, однако по-прежнему молча глядел на нее с довольной улыбкой, словно ободряя и говоря: «Ты заслужила награду. Не бойся, возьми ее».

Молл Риал подумала, что это знатный гость, который неожиданно приехал накануне ночью, как часто случалось в те славившиеся радушием бурные времена, и что он решил до завтрака не спеша прогуляться по окрестностям.

Молл Риал от природы была довольно застенчива, а тут еще такой блестящий джентльмен застал ее с подоткнутыми юбками и голыми икрами. Поэтому она невольно бросила взгляд на свои ноги и тут заметила на воде капли крови — одну, другую, третью, и вот уже по волнам, то приближаясь к ней, то снова отдаляясь, расходятся кровавые пятна. В ужасе она призвала Господа, и незнакомец тотчас же исчез прямо у нее на глазах, будто его и не бывало, однако все озеро на мгновение окрасилось кровью, заалев, точно огромная рана.

Это граф Десмонд снова завлекал живые души, и Молл Риал объявила, что, если бы воды озера не обратились в кровь, она бы первой заговорила с ним и обрекла бы себя на участь, возможно не менее страшную и зловещую, чем его собственная.

БАНШИ

Столь древнее манстерское семейство, как Бейли из Лох-Гур, разумеется, не могло обойтись без собственной банши, из поколения в поколения предвещавшей смерть представителей этого рода. Все члены семейства знали о ее существовании и могли привести немало примеров подобного внимания со стороны потустороннего мира. Мисс Бейли поведала мне о единственном случае, когда ей самой довелось стать свидетельницей сочувствия умирающему призрачной банши.

Мисс Бейли рассказала, что в юности она и ее сестра мисс Сьюзен долго ухаживали за другой сестрой, тяжелобольной мисс Китти, о которой она говорила как о самой добродушной и беззаботной барышне, какую только можно вообразить. Эта барышня,

отличавшаяся легким и веселым нравом, угасала от чахотки. Печальную обязанность заботиться о безнадежно больной поделили между собою ее многочисленные сестры, а мисс Энн и мисс Сьюзен, как старшим, выпало бодрствовать у постели мисс Китти в ночные часы.

Возможно, эти долгие и скорбные бдения настолько подавили их дух и расшатали нервы, что они оказались подвержены галлюцинациям. Как бы то ни было, однажды, в глухую полночь, сидя в комнате умирающей, мисс Бейли и ее сестра слышали столь сладостную и печальную музыку, какой им не приходилось слышать никогда прежде. Им почудилось, будто в далеком соборе заиграл орган. Окна в комнате выходили во двор, старый замок возвышался совсем рядом и был ясно различим в лунном свете. Музыка раздавалась не в доме, а казалось, звучала во дворе или даже в стенах замка. Мисс Энн Бейли взяла свечу и спустилась по черной лестнице во двор, где снова слышала ту же далекую и торжественную мелодию, но так и не смогла понять, что это — музыка или пение таинственного хора. Казалось, мелодия льется из высоких окон замка. Но стоило приблизиться к башне, как музыка зазвучала откуда-то сверху, словно бы со стороны дома. В конце концов, удивленная и испуганная, мисс Энн вернулась к сестрам.

Обе они, мисс Энн и мисс Сьюзен Бейли, клялись, что довольно долго слышали эту таинственную небесную музыку совершенно отчетливо. Мисс Энн Бейли ни минуты не допускала мысли, что это был обман чувств, и рассказывала о странном явлении с немалым трепетом.

СОН ГУВЕРНАНТКИ

Однажды утром гувернантка с торжественным видом, свидетельствующим, что она намерена сообщить что-то важное, рассказала своим воспитанницам любопытный сон, виденный ею накануне.

Первый зал, в который вы попадаете, войдя в замок и оказавшись у основания винтовой каменной лестницы, — большой, мрачный, с высокими сводами и несколькими узенькими окнами, прорезанными в глубоких нишах под самым потолком. Когда я много лет спустя впервые побывал там, часть этого просторного зала использовалась для хранения годового запаса торфа.

Едва гувернантка во сне, совсем одна, вступила в этот зал, как перед нею явился мрачный и величественный человек с неповторимыми и запоминающимися чертами, раз увидев которые невозможно было забыть, подобно лицам на старинных портретах.

В руке он держал жезл, не более обычной трости. Он велел гувернантке запомнить его длину и те замеры, которые ему предстояло сделать, а потом сообщить их результаты хозяйке поместья Лох-Гур миссис Бейли.

Считая от определенного места, он отмерил на полу своим жезлом, держа его перпендикулярно стене, какое-то расстояние, назвав его вслух. Затем он таким же образом отсчитал какое-то расстояние от соседней стены, тоже назвав его вслух. Потом он объявил, что в точке пересечения этих линий, на глубине нескольких футов под полом, которую он тоже назвал гувернантке, спрятаны сокровища. Тут сновидение рассеялось, и таинственный пришелец исчез.

Вместе со своими ученицами она отправилась в старый замок, измерила там показанные ей расстояния прутиком, вырезанным по длине жезла, и, как она полагала, определила место, где схоронен клад. В тот же день она поведала свой сон мистеру Бейли, однако тот отмахнулся от него как от пустой безделицы и не предпринял никаких шагов.

Вскоре после этого она вновь увидела во сне того мрачного и величественного человека, и он повторил свое повеление с явным неудовольствием. Но мистер Бейли опять только посмеялся.

Сон повторился, и тогда дети так настойчиво потребовали обследовать пол замка с киркой и лопатой в том месте, где указал таинственный посланец, что мистер Бейли наконец сдался. Вскрыли каменный пол и выбрали землю на глубине нескольких футов — там, где,

по словам гувернантки, были зарыты сокровища.

Как сказала мисс Бейли, при этих земляных работах присутствовало все семейство, включая отца. Пока землекопы рыли яму на нужную глубину, нетерпение и азарт собравшихся росли, а когда стальные кирки с гулким звуком ударились о каменные плиты и стало понятно, что под ними пустота, всеобщее возбуждение достигло предела.

С большим трудом эти плиты подняли, обнажив отделанную камнем полость, достаточно большую, чтобы в ней мог поместиться глиняный кувшин или горшок. Увы! Она была пуста. Однако в толще земли на дне ее мисс Бейли и все собравшиеся ясно различили круглый отпечаток какого-то сосуда, который, судя по глубине оставленного следа, простоял там долгие годы.

Обе мисс Бейли впоследствии уверились, что сокровищами, действительно сокрытыми под полом зала, завладел некто, более склонный доверять загадочному посланцу и более предприимчивый, нежели их отец.

Гувернантка прожила в семействе Бейли до самой смерти, случившейся несколько лет спустя при обстоятельствах столь же необычайных, сколь и ее сновидение.

ГРАФСКИЙ ЗАЛ

Добрая гувернантка особенно любила старый замок и, закончив занятия, часто приходила с книгой или с вышиванием в большую комнату замка, известную как Графский зал. Она велела слугам принести сюда стол и стул и в сумерках сидела за чтением или рукоделием до тех пор, пока не померкнет последний слабый луч света, проникавший сквозь незастекленное окно под потолком.

Попасть в Графский зал можно через узкую, наподобие арки дверцу, к которой вела винтовая лестница. Это было большое и мрачное помещение, почти квадратное, с высоким сводчатым потолком, выложенным каменными плитами полом. Оно располагается на верхнем этаже замка, окружено невероятно толстыми стенами, имеет всего несколько маленьких окон, и потому в нем всегда царит тишина, точно в подземной пещере. В этом зале можно за целый день не услышать никаких звуков, кроме, может быть, щебета ласточек, свивших гнездо на высоком и узком, словно бойница, окне.

Однажды гувернантка, как всегда, удалилась в свой любимый уединенный покой и не вернулась в обычное время. В поместье не встревожились и поначалу ее не хватились, поскольку в Ирландии того времени распорядок дня строго не соблюдали. Однако когда она не появилась и к обеду, подаваемому, как обыкновенно в помещичьих домах, в пять часов, за ней послали ее юных воспитанниц. Погода стояла теплая, солнце еще не зашло и достаточно освещало полутемные лестницы и коридоры замка, и потому ученицы с радостными криками взбежали по каменным ступеням и кинулись в Графский зал навстречу своей наставнице.

Однако на их призывы никто не откликнулся. Подбежав к двери, ведущей в зал, они с ужасом увидели, что она лежит на полу в глубоком обмороке. С трудом ее привели в чувство, но она была столь слаба, что ее отвели в дом и немедленно уложили в постель.

Тогда-то она и поведала удивительную историю, которая с ней произошла. Она по привычке села за маленький рабочий столик, безмятежно читала или рукодельничала — я запамятовала, чем именно она занималась, — пребывая в здравии и совершенно покойном расположении духа. Внезапно, подняв глаза, она увидела, как в зал входит отвратительный крошечный старик. Он был в красном платье, необычайно мал ростом, смугл и морщинист, а выражение лица имел чудовищно злобное. Сделав несколько шагов и не сводя с нее глаз, он остановился и жестом приказал ей следовать за ним, а потом снова двинулся к двери. Не пройдя и половины пути, он опять остановился и опять поманил ее. Появление призрака вселило в нее такой ужас, что она словно окаменела, не в силах шевельнуться или произнести хоть слово. Когда он заметил, что она не послушалась, лицо его приняло еще более жестокое и угрожающее выражение, в ту же минуту он воздел руку и топнул по полу. Жесты его, движения и самый вид — все изобличало дьявольскую ярость. Совершенно

утратив от ужаса способность сопротивляться, она безвольно последовала за ним, сделав шаг или два по направлению к двери. Он снова остановился и снова молча, угрожающими жестами потребовал пойти за ним.

Вслед за ним она вышла за узкую каменную дверь Графского зала. Она замерла на пороге и увидела, что он стоит в отдалении, по-прежнему не сводя с нее глаз. Он опять поманил ее и двинулся по короткому коридору, ведущему к винтовой лестнице. Однако у нее уже не осталось сил за ним последовать: на пороге Графского зала она без чувств опустилась на пол.

Бедняжка была твердо убеждена в том, что ужасное видение предрекает ее скорую кончину, и опасения ее оправдались. Она более не вставала с постели. За пережитым ею потрясением последовала нервическая горячка, и всего через несколько дней она умерла. Разумеется, нельзя отрицать, что подступающая болезнь могла повредить ее рассудок и вызвать демона, существующего лишь в ее воспаленном воображении.